

Глава 1

Они пришли поглазеть на меня, те самые люди, чьего восхищения я когда-то жаждала, люди, которые читали «Бегом по высокой траве» и останавливали меня на улице, чтобы сказать мне, совершенно незнакомому человеку, как они меня любят. Вот так запросто. Ну что ж, теперь разлюбили.

Есть еще и другие, и они, конечно, тоже здесь. Это те, кого больше всего забавляют несчастья таких, как я, чья жизнь прежде была сплошным благословением. Чем выше пьедестал, с которого приходится падать, и болезненнее приземление, тем для них лучше, а мое падение прямо-таки головокружительное. Удивительно, что они по-корн не захватили.

Подумать только, всего несколько недель назад я алкала их обожания. Я была подавлена. Все читали новые книги, в числе которых не было ни единой моей, и носились с новыми писателями. А я оказалась забыта, стала вчерашним днем для читающей публики. Ах, если бы все до сих пор так и оставалось!

Я смотрю на них, пока они смотрят на меня. Я их не боюсь. Мне тошно наблюдать, как они

тянут шеи — исключительно ради того, чтобы лучше видеть меня саму и мой позор.

До того, как все это началось, я ни разу не видела зал суда изнутри; невероятно, если вдуматься. Суды — часть нашего общества: здесь вершатся законы, по которым мы живем, равно как и судьбы тех из нас, кому не повезет эти самые законы нарушить. Залы суда гораздо важнее музеев, однако большинство людей хоть раз да побывали в музее. А как насчет судов? Их повидало куда меньше народу.

Я решила: если выйду отсюда свободной женщиной, разверну кампанию за то, чтобы посещение судов внесли в школьную программу. Каждый ученик должен ознакомиться с тем, как они работают, чтобы в случае чего быть во всеоружии, а не чувствовать себя так, будто ошибся дверью и забрел в чужую страну, где у людей иные обычаи и иной язык, вроде бы похожий на твой родной, но не совсем, а потому тебе ни за что не понять, что там говорится. И даже если кажется, что ты понял сказанное, на самом деле это не так.

— Так этот роман... — произнося слово «роман», прокурор чуть ухмыляется. — Простите, как, еще раз, он называется?

— «Ложь», — бормочу я.

— Будьте так добры, повторите погромче.

Повышаю голос:

— «Ложь».

— Совершенно верно, благодарю вас. «Ложь».

Я у всех на виду — на свидетельской трибуне. С утра мне представлялось, что я окажусь на

скамье подсудимых, в наручниках, и буду, понурив от стыда голову, ожидать вынесения вердикта, но мой адвокат заявила: нет, ничего подобного. Она объяснила, что я буду сидеть за столом защиты лицом к судье, пока меня не вызовут, а через проход, на другой стороне, разместится прокурор со своими помощниками. Я здесь только для того, чтобы у меня взяли показания.

— Итак, если я правильно понимаю, вы заявляете, что не писали этот роман?

— Да. Нет. В смысле, нет.

— Прошу прощения?

На верхней губе у меня блестят бисеринки пота. Чтобы выиграть время, я вытираю их одним пальцем. Мне не хочется отвечать на этот вопрос. Я не знаю, как на него ответить.

— Не совсем. — Такая формулировка получается у меня в итоге.

— Понятно. И какие же части написали не полностью вы, миссис Ферн?

— Возражение: косвенный довод.

Это мой адвокат. Понятия не имею, насколько она хороша, но в любом случае другого адвоката у меня нет.

— Отклоняется.

Даже не помню, как ее зовут, моего адвоката. Провалы в памяти. Может, Кэтрин? Или она просто похожа на мою знакомую из прошлой жизни, которую так звали. Но она приводит доводы в мою пользу, выступает от моего имени, хоть я едва слежу за ходом заседания. Сама

мысль о том, что я могу оказаться за решеткой, совершенно невыносима. Стоит только подумать об этом, как дыхание перехватывает, поэтому я... просто не думаю.

— Его переписали.

Мои слова доносятся будто издалека, и от этого собственное утверждение кажется мне еще более нелепым. Но с правдой так иногда бывает.

— Понятно. Вы написали роман, а кто-то его переписал. Скажите, та часть, где вы тщательно планируете убийство, свершаете его, а затем избавляетесь от улики, — ее автор вы, миссис Ферн? Или некто, — тут прокурор изображает пальцами кавычки в воздухе, — «переписал» ее? Как вы выразились.

Опускаю взгляд.

— Я этого не писала.

— И все же представили издателю как собственное творение, верно?

— Да, но...

— Передали всю рукопись целиком лично в руки своему издателю, мистеру... — он сверяется с записями, сдвинув к самому кончику носа очки в тонкой оправе, — Фрэнку Бадосе, правильно?

— Но...

— Что «но», миссис Ферн?

Кэтрин (буду называть ее Кэтрин, пока не вспомню настоящего имени) уже снова на ногах, она широко разводит руки, выражая недовольство:

— Ваша честь, моя подзащитная пытается ответить на вопрос. Если бы мистер Аккерман не...

— Да, согласен. Мистер Аккерман, дайте подсудимой ответить.

— Приношу свои извинения. Пожалуйста, миссис Ферн, прошу вас.

Я глубоко вдыхаю.

— Да, я лично передала рукопись своему издателю.

— Спасибо. Вы согласны с тем, что последняя глава равносильна признанию? Признанию в убийстве. Совершенном вами.

Кэтрин снова вскакивает:

— Ваша честь!

Тут жарко. Я оглядываю зал, чтобы понять, есть ли в нем вообще вентиляция, и вижу на галерке море лиц. Там-то меня уже осудили. С точки зрения галерки моя виновность не подлежит сомнению, а сама я для них все равно что смертный грех. В ответ я испепеляю их взглядом: пусть наслаждаются хорошим зрелищем. Вот так. Надо же что-нибудь им скормить. А потом я замечаю ее, и сердце в груди замирает. Беатрис сидит на галерее и смотрит прямо на меня.

Без намека на улыбку она в своей излюбленной манере выгибает бровь, словно говоря: «Забавно тебя здесь видеть!» Меня пытаются разыграть. Ее не может быть здесь. Это невозможно. Беатрис мертва, и кому об этом знать, как не мне, убившей ее своими руками. Я крепко зажмуриваюсь и считаю до десяти, делая по вдоху на каждый счет.

— Миссис Ферн имеет доступ к неограниченным средствам, ваша честь, благодаря которым легко сможет исчезнуть.

Глаза распахиваются сами собой. Как, по его мнению, я могу исчезнуть? Перед входом уже толкаются, чтобы пробиться вперед, фотографы. Неужели прокурор всерьез верит, что мне удастся сбежать от этой брехливой стаи папарацци? Я поднимаю руку, чтобы сделать заявление, хочу сказать судье, что... но Кэтрин уже сообщает, что денег у меня нет. Отлично! Теперь всему миру известно, как плохи мои дела. Я уже вижу заголовки вроде «Блеск и нищета Эммы Ферн».

— Залог установлен в сумме двухсот тысяч долларов.

Стук молотка громко разносится по залу, заставляя меня подпрыгнуть. Слишком уж тут шумно, голова кругом идет. Я смотрю туда, где сидела Беатрис, но теперь там другая женщина. Я быстро выхожу из-за свидетельской кафедры, но кто-то в форме хватает меня повыше локтя:

— Подождите, пожалуйста. Пойдите!

Я с мольбой устремляю взгляд на Кэтрин, которая собирает свои вещи со стола, складывая всякие юридические бумажки в элегантный атташе-кейс. Она даже не смотрит на меня и ведет себя так, будто ее работа закончена и говорить тут больше не о чем. Я иду к ней, а женщина в форме так и держит меня за плечо. Охваченная отчаянием, я свободной рукой цепляюсь за рукав адвоката.

— Но у меня нет таких денег, — тревожно говорю я ей.

Она поднимает взгляд и, кажется, почти удивлена тем, что видит меня.

— Тогда вам придется отправиться в тюрьму.

— Убийца!

Я оборачиваюсь посмотреть, кто это крикнул. Пытаясь не дать Кэтрин уйти, я оказалась почти у выхода из зала суда, и тут двери отворяются, и я предстаю во всей красе перед журналистами и фотографами, которые беспардонно отталкивают друг друга. Тут и другие люди, они кричат. Кто-то плюет в мою сторону.

Они меня ненавидят. Ведь я их подвела. Они так меня любили, а теперь думают, будто я совершила это чудовищное преступление. Если бы они только знали! Да, я убийца. Душегуб. Я именно такая, какой меня считают, и даже хуже, но не имею отношения к преступлению, в котором меня обвинят сейчас.

Я не убивала своего мужа.

Я говорю толпе:

— Я не убивала мужа! — Но никто меня не слушает, поэтому я кричу, кричу во все горло, чтобы перекрыть их вопли «Убийца!»: — Я не убивала своего мужа!

Кто-то тащит меня назад.

— У-бий-ца! — скандирует толпа.

— У-бий-ца!

— У-бей е-е!

Глава 2

— С годовщиной, любимая!

Мой замечательный преданный муж мягко ставит на стол между нами синюю подарочную коробочку. Я восхищенно хлопаю в ладоши.

— Что там?

Джим поднимает бокал шампанского и жестом приглашает меня присоединиться. Я следуя его примеру, мы чокаемся. Мне никак не согнать с лица улыбку.

— Тебя тоже с юбилеем, дорогой, — отвечаю я, вдруг немного застенчившись. Оттого, что я сижу за столом напротив этого представительного и обладающего властью мужчины, у меня вдруг замирает сердце.

— Открой.

— Вообще-то, ты вовсе не обязан, — нежно браню я его, глядя вниз, на коробочку от Тиффани, которую ни с чем не спутаешь. — С виду там что-то дорогое.

Джим улыбается, открывает рот, собираясь что-то сказать, и тут сзади доносится:

— Эмма Ферн?

Я не знаю ее, эту элегантную женщину, которая смотрит на меня широко раскрытыми глазами, чуть подавшись вперед, чтобы лучше видеть. Я прячу легкое раздражение от ее вмешательства и улыбаюсь.

— Да?

— Так и думала, что это вы! Ох, дорогая моя, как чудесно вас встретить! — говорит она, хватая мою руку в свои и начинает трясти. Незнакомка все никак не унимается, и приходится мягко забрать руку.

— Большое спасибо. Я тоже рада встрече.

Мне на диво неловко, когда люди так себя ведут, потому что вроде бы напрашивается вопрос: «А вы сами кто будете?», но получится слишком высокомерно. «Я вас знаю? Мы уже встречались?» — проносятся в голове варианты.

Разумеется, я понимаю, отчего такое случается. Я знаменитость: любимая многими писательница, лауреат премии Пултона (сказать по правде, понятия не имею, кто там победил после меня, да и какая разница) и автор бестселлера, легко обошедшего остальные новинки.

— Шарлотта Харпер, — догадавшись о моих мыслях, сообщает женщина, — а это Корнелиус. — И она оборачивается к мужу (во всяком случае, я предполагаю, что это ее муж), который даже на таком расстоянии выглядит слишком молодым, чтобы зваться Корнелиусом.

Мне известно, кто такие эти Харперы. Никогда не встречала их прежде, зато неоднократно